

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

И ЦЕНЗУРА

Циля Иосифовна
ГРИН

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Российской национальной библиотеки, заслуженный работник культуры Российской Федерации, специалист по проблемам истории книги, библиографии, источниковедения, один из авторов монографии «Публичная библиотека глазами современников. 1795—1917 гг.» (СПб., 1998), разработчик и руководитель авторского коллектива серии изданий «Русские советские писатели-прозаики» (Л., 1959—1972), «Русские советские поэты» (Л., 1977).

ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА
РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БИБЛИОТЕКИ

Тема «Лев Толстой и цензура» неоднократно привлекала внимание исследователей жизни и творчества великого писателя¹. В борьбе с Толстым объединились цензурное ведомство, Священный Синод, двор, черносотенная печать. В одном только фонде Центрального комитета иностранной цензуры хранится около 500 цензурских рапортов о запрещении его произведений². Один из исследователей творчества Толстого — М. А. Шеглов — в этой связи писал: «Имя Толстого с полным правом может быть внесено в пространный список мучеников цензуры в русской литературе, список, открытый еще Радищевым и Новиковым»³. Весьма примечательные документы о единоборстве цензурного ведомства с «могучим обличителем-протестантом» (В. В. Стасов) сохранились в архиве Российской национальной библиотеки (РНБ) в Санкт-Петербурге. Они до сих пор не были вовлечены в научный оборот, хотя добавляют новые факты, даты, имена в историю противостояния Толстого и цензуры, раскрывают живописные детали этой длительной и изнурительной войны. Важны архивные документы и для уяснения многосторонних и не совсем обычных связей Толстого и Публичной библиотеки⁴, которые раньше отчасти были скрыты завесой секретности.

Отношения Публичной библиотеки и цензурного ведомства начиная с середины XIX столетия приобрели особо доверительный характер. Директор Библиотеки барон М. А. Корф, человек предприимчивый и дальновидный, к тому же, по выражению А. И. Герцена, «большой любитель цензуры», убедил в августе 1854 г. сначала Министерство финансов, а затем и Николая I издать распоряжение об особых привилегиях Публичной библиотеки⁴. Отныне все иностранные запрещенные книги, задержанные по каким-либо причинам на пограничных таможнях и не высланные обратно в течение определенного срока, передавались на хранение в Публичную библиотеку. Это же правило относилось и к «тайно водворенным изданиям», а также к изданиям, напечатанным неле-

гально в России и изъятым при обысках и арестах.

С 1854 г. в архив Библиотеки стали поступать на хранение документы цензурных комитетов, пограничных таможенных служб, органов сыска и дознания по поводу конфискованных изданий. В документах сообщалось, когда, где, у кого и при каких обстоятельствах были изъяты “запрещенные к обращению в России” книги, брошюры, листовки, журналы и сколько экземпляров поступило в Библиотеку. Пометы, которые делали на этих документах сотрудники Библиотеки, проясняют их дальнейшую судьбу. Отмечалось, сколько экземпляров и для каких фондов Библиотека оставила у себя, под какими инвентарными номерами они записаны в ежегодных реестрах новых поступлений, какое количество “ненужных” экземпляров обращено в “бумажную массу” или просто сожжено. Документы, хранящиеся в РНБ, уникальны: с одной стороны, они красноречиво свидетельствуют о размахе полицейских и цензурных репрессий (ежегодно в Библиотеку поступало в среднем от тысячи до двух тысяч томов конфискованных и запрещенных изданий), с другой — отражают степень сопротивления общества, которое видело в распространении вольного русского слова возможность найти дорогу к правде.

Цензурная история издания и распространения произведений Л. Н. Толстого в силу особой привилегии Библиотеки причудливым образом отразилась в материалах архива Публичной библиотеки. Из документов видно, каким неудобным и неугодным был для правительства Толстой — писатель, моралист и общественный деятель. Неудовольствие вызывали в определенных кругах общества и явная близость Толстого к Публичной библиотеке, и то благоволение, которое она ему оказывала.

Толстой не любил Петербурга, бывал здесь редко, но всякий раз (начиная с 1876 г.), когда приезжал, навещал Публичную библиотеку: записи об этом сохранились в дневнике писателя, в воспоминаниях очевидцев. Стремясь художественно осмыслить русскую историю в ее “минуты грозовые”, Толстой ценил возможности, которые открывались ему в Публичной библиотеке. Книги и рукописи, хранящиеся здесь, помогали воссоздавать обстоятельства места и времени, понимать характеры

действующих исторических лиц, склад их мыслей, обычаи, традиции.

Незадолго до смерти, в сентябре 1905 г., В. В. Стасов, планировавший написать монографию о Толстом (судьба распорядилась так, что последней прочитанной им книгой была биография Л. Н. Толстого), рассказывал писателю П. А. Сергеенко, который собирал материалы о Льве Николаевиче, как обычно проходили визиты Толстого в Библиотеку. Он поднимался наверх, в Ларинский зал, где работал Стасов (ныне — Русский фонд, зал № 15) и беседовал с ним⁵. “Иногда, — писал Стасов, — он садился за мой стол и работал, обложенный книгами, которых потребовал. Тогда в мое Отделение уже никто не имел права прийти и мешать ему — мы никого не пускали. Но многие тайком и окольными дорогами пробирались на верхнюю, первую галерею этой залы и оттуда украдкой, в полном молчании рассматривали издали Толстого. Несколько десятков людей сменялось таким образом, и все это — в полном молчании”⁶. Толстой и сам страшился возможности сделать из его обычных посещений Библиотеки некую сенсацию, придать им налет публичности, нечто вроде “хождения в народ”. Когда художник В. В. Верещагин, заставший Толстого в Библиотеке, попытался при посредничестве Стасова повидать писателя, то получил отказ. Как вспоминает Стасов, “Л. Н. ни за что не захотел, словно испугался, и зашел даже за один шкаф, сказав поспешно шепотом: “Пожалуйста, скажите, скажите, что меня здесь нет...”⁷. Подобная история произошла и с фотографом, который хотел заснять Толстого в библиотеке. Об этом отказе Толстого следует пожалеть особо. В 1902 г. С. А. Толстая по просьбе Стасова прислала в дар Библиотеке серию фотоснимков Толстого. Фотографии были встречены, по словам Стасова, с радостью и восхищением. С ними знакомились библиотекари, директор Д. Ф. Кобеко (“Хоть и изрядный канцелярист и формалист, а все-таки безмерный поклонник Льва Великого, как и мы все”⁸). Но среди них не было снимков, связанных с пребыванием Толстого в Петербурге. “За что же и Петербургу не гордиться и не величаться тоже, как Москве, и Туле, и Крыму”, — жаловался Софье Андреевне Стасов. Он просил, употребляя выражение А. И. Герцена, обязательно “закрепить” Толстого “фотографией в Петербурге”⁹.

Стасов полагал, что книжному дому при этом будет отведено надлежащее место. Великий Лев “здесь в самом деле был, и сидел, и читал, и писал, и глядел, и говорил, и смотрел, и слушал, и удивлял всех!”¹⁰

Толстой называл Стасова своей “опорой” в Библиотеке¹¹. А говоря о характере оказываемой ему помощи, пояснял: он помогал “и словом, и делом”¹². Под “словом”, как можно догадаться, Толстой подразумевал многочисленные библиографические и фактографические сведения, которые он получал от Стасова в ответ на свои запросы.

Стасов, как и Толстой, понимал важность свидетельств современников. Их письма, дневники, воспоминания образовывали ту среду и фактуру, которые придавали историческую достоверность художественному вымыслу. Начало царствования Романовых, время Петра I, век Екатерины II, убийство Павла I, Александр I и война 1812 г., Николай I и мятеж декабристов, Кавказские войны, история и этнография народов Кавказа, история Польши, произведения китайских мудрецов в русских переводах, жизнеописание Галилея и Джордано Бруно — таков далеко не полный перечень тем, интересовавших Толстого¹³. Стасов же немедленно приходил на помощь Толстому, нередко выходя за рамки конкретного запроса (недаром Стасов был составителем годовых отчетов Библиотеки, и через его руки в течение многих лет проходили описания поступивших в Библиотеку редких изданий). Порой Толстой просил Стасова умерить щедрость, действовать постепенно. Но именно двадцативосьмилетняя дружба Толстого со Стасовым, связь с Петербургом, с Публичной библиотечкой способствовали плодотворной работе писателя в Ясной Поляне. И это он высоко ценил, видя в нем “образцовый тип ума”¹⁴. При всех расхождениях с Толстым по вопросам морали, религии, философии Стасов его боготворил. “Лев Великий” — он не мог иначе называть Толстого в письмах к своим многочисленным корреспондентам. Стасов считал своим долгом безотказно служить писателю, которого ставил вровень с Шекспиром и Герценом.

Помощь Толстому “словом” дополнялась “делом”, что было весьма существенно для яснополянского затворника. Книжные посылки, копии, снятые с рукописей и документов, которые достав-

лялись в Тулу по почте или с оказией, материализовали, делали реально зримым поток истории, приходящий с берегов Невы¹⁵. “В течение нашего знакомства, — вспоминал Стасов, — мне удалось послать из Б[иблите]ки Льву Николаевичу в разное время громадную массу (сотни, м[ожет] б[ыть], тысячи) книг русских и иностранных, также рукописных статей и сочинений”¹⁶. Но не только он всегда был готов помочь Толстому. Вся Библиотека, по выражению Стасова, “ходуном” ходила, когда появлялась возможность сделать что-то “приятное для самого Льва Толстого”¹⁷. Книги для него подбирали заведующий Русским отделением В. П. Ламбин; Восточным — А. Я. Гаркави.

В отношении писателя допускались, казалось бы, невозможные отступления от правил. В Ясную Поляну неоднократно посылались книги, не только “дозволенные к обращению” в публике, но и упрямые от посторонних глаз в секретном отделении Библиотеки. Когда в апреле 1904 г. Толстому понадобились изданные за границей в серии “Записки декабристов” (Лондон, 1862—1863) воспоминания С. П. Трубецкого, И. Д. Якушкина, Е. П. Оболенского, то Д. Ф. Кобеко, узнав от Стасова о просьбе Толстого, сказал: “Посылайте, посылайте скорее, я очень рад, ведь нам просто зазорно было бы Льву Николаевичу да не послать тотчас”. Получив благословение Кобеко, Стасов, как он пишет Толстому, “тотчас марш в наше секретное отделение (откуда, как Вы знаете, никогда ничего никому не выдается), и теперь уже все к Вам отправлено”¹⁸. С личным письмом директора Библиотеки был послан в Ясную Поляну в декабре 1904 г. и роман Н. В. Соколова “Отщепенцы”, запрещенный к распространению в 1866 г.¹⁹

В столкновениях Толстого с церковью и правительством Библиотека занимала позицию достойную и в известной мере независимую. Буря разыгралась в начале февраля 1897 г. Ненадолго приехав в Петербург, Толстой посетил Библиотеку, встретился со Стасовым, оставил запись в книге для почетных посетителей. “Как все Вас вспоминают, кто даже видел Вас мельком, на проходе”, — писал ему Стасов в Ясную Поляну неделю спустя²⁰. Швейцар Библиотеки А. А. Андреев, художник-самоучка, позднее, в 1914 г., написал маслом картину “В. В. Стасов и Л. Н. Толстой в зале Публичной библиотеки 10 октября 1897 года”. Художник

изобразил их сидящими на диване на лестничной площадке недалеко от входа в отделение “Россика”. Перепутана лишь дата посещения Толстым Библиотеки — не 10 октября, а 8 февраля.

Приезд Толстого в Петербург и его визит в Библиотеку в феврале 1897 г. получили неожиданное скандальное продолжение. Первыми обиделись на Толстого газетчики. Предпочтение, которое писатель оказал Публичной библиотеке, и его явное нежелание встречаться с репортерами вызвали сердитую реплику “Петербургской газеты”. Вслед за этим в Библиотеку на имя директора А. Ф. Бычкова поступило анонимное письмо: “Нехорошо чествовать гр[афа] Толстого, врага церкви и отравившего молодежь своим безверием, стыдно начальству Императорской библиотеки, встречавшему этого вредного негодяя с почестью и торжеством. Стыдно!! Либералы довольны! Только хорошо ли это?”²¹ Стасов, предварительно ознакомив Толстого с содержанием письма, передал его на хранение в Отдел рукописей Публичной библиотеки для коллекции документов современной истории, справедливо увидев в частном происшествии проявление общественных страстей, бушевавших вокруг Толстого.

Курьезный случай произошел и осенью 1901 г. при освящении нового читального зала Библиотеки (Воротилковский корпус). Стены зала украсили бюстами Ломоносова, Державина, Карамзина, Фонвизина, Пушкина, Гоголя, Лермонтова. В нарушение всех канонических традиций был установлен и мраморный бюст Толстого.

Замыкая ряд великих русских людей, уже ушедших в историю, Толстой своим присутствием как бы бросал вызов чиновничьей России, что не осталось незамеченным. “Молебен с окроплением святою водою” проходил в присутствии многих сановников. “И на Ваш бюст, — писал Стасов Толстому, — эта святая вода тоже попала! И тотчас около меня все присутствующие заговорили: “Вон как! Вон как! Смотрите-ка! На Льва Толстого попала св[ятая] вода! Как же теперь-то будет? Ведь он, значит, теперь окроплен святостью официально!!!”²² Ненавидевший ханжество Стасов увидел в этом как смешную, так и страшную сторону.

Когда в январе 1914 г. торжественно отмечалось столетие со дня открытия Публичной библиотеки для читателей, журнал “Исторический вестник” на-

помнил, что Библиотека “горячо приветствовала опального писателя”, когда праздновали его 75-летие и 50-летие литературной деятельности²³. Это событие отражено и в отчете Публичной библиотеки за 1903 г. На первых его страницах, обычно содержащих официальные сведения, помещен текст приветственной телеграммы, направленной в Ясную Поляну. В ней говорилось: “Императорская Публичная библиотека хранит произведения Ваши не только на русском языке, но и в многочисленных переводах на языки Старого и Нового Света, как свидетельство того уважения, которое Вы снискали в среде современного общества”²⁴. Сотрудники Библиотеки желали Толстому долгих лет жизни для продолжения его деятельности “на пользу человечества”.

Библиотека с максимальной полнотой собирала издания произведений Толстого. Она старалась получить рукописи писателя для хранения “в вечной и несокрушимой гавани, на веки веков!” (Стасов). В постоянной экспозиции Отдела рукописей экспонировались рукописи Толстого — его поправки и дополнения к печатному тексту романа “Анна Каренина”, трактат “Что такое искусство”. Круглый зал Отдела рукописей украшала фотокопия живописного портрета писателя кисти И. Е. Репина. Посетители могли ознакомиться с альбомом фотографий Толстого, оформленным особым образом. Если вспомнить обстановку травли и обструкции, непонимания и непризнания, которая окружала его в последние годы жизни, поддержка, получаемая со стороны Публичной библиотеки, должна была радовать писателя. Библиотека еще раз показала, какую позицию она занимает в общественной жизни.

Конечно, религиозно-нравственные и философские убеждения Толстого, вызывавшие споры в обществе, не могли не затрагивать и горячих почитателей его таланта в Библиотеке. Спорил с Толстым Стасов, спорил со Стасовым Н. Н. Страхов, и началось это давно: в 1870-е гг. Страхов, фанатичный поклонник Толстого, его близкий друг (он-то и привел в 1876 г. писателя первый раз в Библиотеку и познакомил его со Стасовым), признавался ему в одном из своих писем, датированных маем 1876 г.: “Мы с ним [В. В. Стасовым. — Ц. Г.] спорим о Вас чуть не каждый день, спорим до крика, до обиды. Другие библиотекари и на-

ши начальники, Бычков и Десянов, посмеиваются над нашей горячностью, и это значительно оживляет наши заседания и ежедневные встречи. Спор начался с января прошлого года, а кончится, конечно, только со смертью одного из нас”²⁵.

Страхов служил в Публичной библиотеке с 1873 по 1885 г. Будучи человеком книжным, склонным к умозрительным заключениям, он иногда вызывал у Толстого досаду (тот называл его в сердцах “протоиереев сын”, огорчаясь оторванностью Н. Н. Страхова от реалий русской жизни). Но писатель ценил преданность Страхова, который, как и Стасов, представлял его творческие интересы в Петербурге. По просьбе Толстого Некрасов встречался со Страховым в Публичной библиотеке осенью 1874 г. — у последнего была корректура статьи Льва Николаевича “О народном образовании” (“*Всякое изменение, сделанное им, принимать как бы мое*”, — пояснял Толстой Некрасову), и он добивался от редакции “Отечественных записок” получения оттисков²⁶.

Толстого не могло не волновать, удалось ли ему, по выражению Страхова, “поймать публику” или не удалось, так как он внимательно относился к разным проявлениям читательского интереса к своим сочинениям. Вероятно, при всей забавности сложившейся ситуации Толстой мог расценить как доброе предзнаменование и историю, произошедшую в читальном зале Публичной библиотеки в десятых числах февраля 1875 г. В журнале “Русский вестник” публиковался роман “Анна Каренина”, и спрос на журнал в Библиотеке возрос. Один из читателей, получив отказ, потребовал жалобную книгу. Как писал Страхов Толстому, читатель утверждал, что дежурный по залу, верно, сам читает и оттого не выдает ему журнал, что сотрудники забыли, что Библиотека призвана служить публике, что время требует от них уделять больше внимания читателям и т. д. и т. д. Скандал стал предметом публичного обсуждения в Библиотеке²⁷.

Журналы, где печатались сочинения Толстого, постоянно присутствовали в списках наиболее спрашиваемых периодических изданий. Писателя, особенно с

Л. Н. Толстой и И. Е. Репин в Ясной Поляне. 1908 г.

середины 1880-х гг., волновала прежде всего читательская судьба его религиозно-нравственных и философских сочинений, публичных выступлений по поводу российских событий. Стасов, не соглашаясь со многими сторонами учения Толстого, старался его поддержать во всем, что способствовало уничтожению “почтения, любви и уважения ко всему, к чему вовсе не должно быть ни почтения, ни любви, ни уважения”²⁸. Он называл Толстого человеком из “породы Вольтеров и Герценов”²⁹. Толстой и сам мечтал “быстро и бойко, по-герценовски, по-журнальному писать о современных событиях”³⁰.

Лев Николаевич знал, как по распоряжению цензуры варварски обращаются с некоторыми изданиями его сочинений. “Книжки мои, — с горечью писал он в марте 1886 г. Т. М. Бондареву, — не пропускают и жгут, и правительство считает меня врагом”³¹. Особенно усилились преследования после создания В. Г. Чертковым в Лондоне в 1897 г. издательства “Свободное слово”. Друг и ближайший последователь Толстого, Чертков стремился дать ему возможность писать и печататься, минуя цензурные преграды. Стасов тоже помогал Толстому избежать цензуры — пересылал за границу некоторые его статьи для перевода и издания там³².

Но не только Стасов, но и вся Библиотека была осведомлена о новом витке единоборства Толстого с цензурой. Принятые таможенными и пограничными службами дополнительные меры по досмотру багажа пассажиров, проверке почтовой корреспонденции, задержанию контрабандных грузов привели к

Л.Н. Толстой с издателем В.Г. Чертковым

интенсивному и регулярному поступлению в Публичную библиотеку книг и брошюр писателя, “запрещенных к обращению в России”. В январе 1890 г. Петербургский цензурный комитет передал в Публичную библиотеку 5558 томов и номеров периодических изданий, удержанных у частных лиц и пассажиров за 1883—1887 гг. Среди них была и брошюра Толстого “Исповедь”, изданная в Женеве.

В июне, июле, декабре 1897 г. Московская складская таможня конфисковала и передала в Публичную библиотеку три книжные посылки, адресованные “Графу Льву Толстому”³³. В них были обнаружены брошюра Толстого “Приближение конца” (Лондон, 1897), вышедшая под редакцией писателя брошюра Черткова “Напрасная жестокость” (Лондон, 1896), “Листки “Свободного слова”” и некоторые другие издания. Отправители рассчитывали, что имя адресата послужит гарантией их благополучной доставки, но ошиблись. Издания поступили в Секретное отделение Библиотеки, а лишние экземпляры были уничтожены.

Изымались книги и брошюры Толстого, изданные как на русском, так и на западноевропейских языках. Как видно из сопроводительных бумаг, часть присылаемых в эти годы сочинений Толстого была задержана на границе для цензурного освидетельствования и конфискована в силу нежелания их владельцев дожидаться результатов заведомо отрицательной экспертизы. Другая часть изданий сразу же была признана нежелательной для ввоза в Россию, но владельцы этих брошюр не стали заниматься

их отсылкой по месту приобретения. Книги умышленно забывались пассажирами в поездах, на пограничных станциях. Просмотру подвергались, как уже говорилось, заграничная почтовая корреспонденция, багаж пассажиров, прибывающих из-за рубежа.

Член Совета Главного управления по делам печати М. Никольский, мотивируя карательные меры, принятые в отношении брошюры Толстого “Где выход?” (Лондон, 1900), был предельно откровенен — она равносильна “призыву к бунтовщическому действию и ниспровержению существующего государственного и общественного строя”³⁴.

Под контроль была взята и корреспонденция из-за рубежа на имя членов семьи Толстого. В июне 1902 г. Волочинская таможня направила в Библиотеку “две брошюры”, адресованные С. А. Толстой, “запрещенные к обращению в России”³⁵. Это были чертковские “Листки “Свободного слова”” (№ 9 и № 15).

Архивные документы, подобно боевым сводкам, фиксируют даты, факты, имена, названия, место действия развернувшейся тайной войны против Л. Н. Толстого.

8 февраля 1902 г. Радзивилловская таможня прислала в Публичную библиотеку его брошюру “Мысли о половом вопросе”³⁶, а 24 июля этого же года Границкая таможня (Варшавско-Венская железная дорога) направила сюда немецкое издание романа “Воскресение”³⁷. Это же издание в 4 экземплярах было получено 22 августа от Сосновицкой таможни³⁸. 29 ноября 1902 г. была конфискована полная русская версия романа “Воскресение”, изданная Чертковым без цензурных купюр (Новоселицкая таможня)³⁹. 23 декабря в Либаве из пассажирского багажа изъята брошюра на немецком языке “Так что же нам делать?”⁴⁰.

Столь же напряженным был и следующий, 1903 год. 2 февраля Вержбловская таможня пополнила фонды Публичной библиотеки брошюрой “Рабство нашего времени” и “Кратким изложением Евангелия”. В посылке было и русское бесцензурное издание романа “Воскресение”⁴¹. В этот же день

Радзивилловская таможня направила в Петербург изъятые у пассажира Орваль две брошюры Толстого на французском языке (их названия не приведены в сопроводительной бумаге)⁴². 26 февраля из Александровской таможни в отделение "Россика" поступил немецкий перевод брошюры "В чем моя вера?"⁴³. В мае чиновники Радзивилловской таможни изъяли у пассажира Митрича лондонское издание романа "Воскресение"⁴⁴. В сентябре и октябре конфискованные брошюры Толстого "Мысли о воспитании и обучении" и "Краткое изложение Евангелия" (они были оставлены неизвестными пассажирами в поезде, следующем из Вены) переданы Границкой таможней⁴⁵. В ноябре из той же таможни вновь в Библиотеку поступил роман "Воскресение", "забытый" пассажиром Павловским⁴⁶. В этом же месяце от Волочической таможни получена брошюра "Царство Божие внутри вас"⁴⁷. В начале декабря при досмотре багажа у пассажира В. Бурко изъята брошюра "Мысли о воспитании и обучении"⁴⁸. Архивные документы сохранили также фамилии жителей городов Ростова (Д. Шенкалова) и Николаева (Юрицын), из почтовых бандеролей которых (они поступили из-за рубежа) таможня в 1903 г. вынула брошюры Толстого⁴⁹.

Помимо отдельных экземпляров, как указывалось выше, в адрес Библиотеки приходили партии книг и брошюр, предназначавшиеся для ввоза в Россию, но не избежавшие сетей цензуры. Так, Московский отдельный цензор (по иностранной цензуре) передал в 1909 г. в распоряжение Библиотеки 22 экземпляра брошюры Толстого "В чем моя вера?" и 48 экземпляров "Изложения евангельского учения"⁵⁰. Прежде чем пустить в перемол лишние экземпляры, библиотекари тщательно сверяли их с каталогами. Так достигалась полнота списка запрещенных изданий Толстого. Принимались во внимание также все индивидуальные особенности оформления титульных листов, самого текста и многообразие форм тиснения.

Интенсивно пополнялось не только Русское отделение Библиотеки, но и "Россика". В 1908 г. вышеупомянутый московский цензор прислал на хранение в Публичную библиотеку роман Толстого "Война и мир" на испанском языке, его работы "Голод в России" и "Патриотизм или мир" на немецком языке, "Рабство нашего времени" и "Великое

преступление" на французском⁵¹. В этой же посылке содержались и отсутствовавшие в Библиотеке сочинения Толстого: "Одумайтесь!", "О жизни", "К рабочему народу", "Где выход?", "Против войны".

Более позднее поэкземплярное изучение фондов крупнейших библиотек России (БАН, РГБ, ГПИБ России) подтвердило богатство толстовской коллекции РНБ. В первом печатном каталоге "Вольная русская печать в Российской Публичной библиотеке" (Пг., 1920), как бы подводившего итоги единоборства свободного слова с цензурой, насчитывалось свыше 190 номеров с описанием брошюр и книг Толстого. Некоторые сочинения писателя, размноженные на гектографе или с помощью литографии в самой России в 1880—90-е гг., сохранились в настоящее время лишь в РНБ ("Крейцера соната", "Изложение евангельского учения", "О деньгах", "Во что я верую", "Исповедь", "Учение Христа и общая воинская повинность", "Послесловие [к "Крейцеровой сонате"]", "Народные рассказы" и др.)⁵².

В РНБ имеются также все номера издававшихся в Лондоне "Листков "Свободного слова"" Черткова, вдохновителем и основным автором которых был Толстой (Лондон, 1898—1902, № 1—25).

Полнотой отличались и подбор запрещенных изданий сочинений Толстого на русском языке, и коллекция иноязычных переводов его произведений. В сентябре 1906 г. Стасов, показав биографу и издателю сочинений Толстого П. И. Бирюкову все накопленное, заметил, что принадлежащее Публичной библиотеке собрание богаче той коллекции, что хранится в Библиотеке Британского Музея⁵³.

Революция 1905 г., ослабив на время цензурный гнет, приоткрыла и завесу тайны, которой было окружено Секретное отделение Библиотеки. 1 ноября 1905 г. Стасов сообщал Толстому, что С. С. Сухонин, издатель и редактор "Вестника всемирной истории", готовит к печати его сочинения, запрещенные цензурой или увидевшие свет за пределами России, и в этой связи он "сильно работает в Библиотеке"⁵⁴. Воспользовавшись богатой коллекцией Публичной библиотеки, Сухонин опубликовал в "Вестнике всемирной истории" ряд ранее запрещенных сочинений Толстого ("Исповедь", "Письмо к политическим деятелям" и др.).

Многие легально изданные сочинения Толстого не допускались к чтению в

публичных библиотеках и общественных читальнях — все они хранятся в фондах РНБ. Одно из них — десятое издание “Сочинений графа Л. Н. Толстого”, подготовленное С. А. Толстой и вышедшее в Москве в 1897 г. (типолит. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о), — отсутствовало в других библиотеках России.

Наряду с цензурой, таможенными и пограничными службами, органами полицейского сыска существовали и другие каналы поступления в Библиотеку запрещенных изданий нелегально. Присылали читатели, проявляя заботу о Библиотеке. Некоторые издания Стасов получил от самого писателя, (например, “Письмо к либералам”). Стасов неустанно напоминал своим корреспондентам о необходимости пополнять фонды Публичной библиотеки, этот “большой общенародный кошелек”⁵⁵.

От Стасова Толстой знал, какими извилистыми, порой драматичными путями поступали его сочинения в Публичную библиотеку. Трудно с определенностью сказать, было ли известно начальству, что Стасов во благо Толстому использовал такую привилегию Библиотеки, как право получать книжные посылки и бандероли, приходящие в ее адрес, без вскрытия на таможне или в цензуре. Осенью 1903 г. чиновники из иностранной цензуры задержали бандероль, присланную из-за границы на имя Стасова. Но по распоряжению министра внутренних дел она была отослана в Публичную библиотеку для вручения адресату⁵⁶.

Стасов, без почтения относившийся к “табели о рангах”, измерявшей заслуги и достоинства людей иными мерками, с иронией относился и к своему высокому чину — “тайный советник”. “К чему эта формалистика?.. — писал он. — Кому нужно и интересно знать, что я — тайный советник или нет?”⁵⁷ Но в неординарных ситуациях, когда речь шла о посылке нелегальных изданий, он сам просил добавлять на конвертах помимо адреса Публичной библиотеки “еще и паскудное слово (как следует быть официально) — тайному советнику Владимиру Васильевичу Стасову, все честь честью и титул не забудьте”⁵⁸. Высокое служебное положение Стасова помогло

ему благополучно получить посылку от Черткова с полной версией романа “Воскресение” “во всем параде и уборе, во всей настоящей беспредельной красоте и силе, без единого пропущенного слова”. Пропускать или не пропускать — сомнения явно были; Стасов пишет Толстому, что “на бандероли красным карандашом цензуры написано: “доставить по адресу””, и добавляет: “И еще бы *чины* не были иной раз счастьем неизреченным”⁵⁹. Правда, препятствия возникали постоянно. В феврале 1904 г. Стасов извещал Толстого, что еще не получил посланные для него Чертковым книги: “Жду посылку эту — бог знает, где она застряла, хотя вполне цензурна”⁶⁰. Речь шла о трех томах “Cyclopedia of thought”, высланных на имя Стасова из Лондона.

Ощутимая помощь Публичной библиотеки Толстому “и словом и делом” на протяжении более тридцати лет, дружба писателя со Страховым и Стасовым, постоянная переписка с ними, их приезды в Ясную Поляну — все это было существенной частью яснополянского бытия. Не только Толстой, но и другие члены его семьи обсуждали библиотечные новости, вместе со Стасовым обдумывали, стоит ли ему принимать предложение занять должность директора столь, по выражению С. А. Толстой, “обширного и значительного учреждения, как Библиотека Публичная”⁶¹, строились планы о непременно посещении Библиотеки в дни возможных приездов в Петербург. (“И в числе удовольствий рассчитывала на визит в Публичную библиотеку”, — писала Стасову дочь Толстого Т. Л. Сухотина в декабре 1903 г.)⁶². Документы архива Библиотеки помогают раскрыть и то, что происходило за кулисами — противостояние цензуре, желание, пользуясь особым положением Публичной библиотеки, собрать в ее фондах полный репертуар изданий сочинений Толстого (включая нелегальное и зарубежное “тиснение”), стремление проследить влияние идей Толстого, его художественного творчества на духовную жизнь Европы. Все это тоже составляло существенную часть как биографии писателя, так и истории самой Библиотеки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ковалев И. Ф. Толстой под цензурным запретом // Яснополянский сб., 1978: Ст., материалы, публ. — Тула, 1978. — С. 290—296.
2. Там же. — С. 290.
3. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. [Юбилейное изд. 1828—1928]. Сер. 3: Письма. Т. 88/89. С. XVIII.
4. Отчет Императорской Публичной библиотеки... за 1854 год. — СПб., 1855. — С. 30—31.
5. Владимир Васильевич Стасов (1824—1906), музыкальный и художественный критик, историк искусства, общественный деятель, занявший выдающееся место в истории русской культуры, с 1872 г. заведовал Отделением изящных искусств и технологии Публичной библиотеки.
6. Письмо В. В. Стасова П. А. Сергеевскому. 13 сент. 1905 г. // Октябрь. — 1997. — № 11. — С. 183 (Россия и Толстой).
7. Там же.
8. Письмо В. В. Стасова С. А. Толстой. 11 сент. 1902 г. // Там же. — С. 181.
9. Там же.
10. Там же.
11. Толстой Л. Н. и Стасов В. В.: Переписка, 1878—1906. — Л., 1929. — С. 332.
12. Юбилей Владимира Васильевича Стасова: 2 янв. 1894 г. — СПб., 1894. — С. 16.
13. Голубева О. Д. В. В. Стасов. — СПб., 1995. — С. 91—97.
14. А. Шифман, В. В. Стасов и Л. Н. Толстой // Новый мир. — 1957. — № 4. — С. 275.
15. Как был возмущен однажды Стасов, когда ему с почты вернули книжную посылку, указав, что “Тула, Ясная Поляна” — не адрес. “Я плюнул и закричал у себя, у стола, в библиотеке: “Фу ты, черт возьми, что за дурачье! Не знают, что, и как, и где — Ясная Поляна!!! И этикие балбесы есть еще в России!!!”, — писал В. В. Стасов С. А. Толстой в августе 1902 г. // Октябрь. — 1997. — № 11. — С. 180.
16. Октябрь. — 1997. — № 11. — С. 183.
17. Толстой Л. Н. и Стасов В. В.: Переписка, 1878—1906. — Л., 1929. — С. 313.
18. Там же. — С. 339.
19. Там же. — С. 364.
20. Там же. — С. 180.
21. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Сер. 3: Письма. Т. 70. — С. 39.
22. Толстой Л. Н. и В. В. Стасов: Переписка, 1878—1906. — Л., 1929. — С. 320.
23. Исторический вестник 1914. — Т. 35. — № 1. — С. 232.
24. Отчет Императорской Публичной библиотеки... за 1903 год. — СПб., 1910. — С. 1—2.
25. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым, 1870—1894. — СПб., 1914. — С. 83—84.
26. Переписка Н. А. Некрасова. 2 т. — М., 1997. — Т. 2. — С. 72.
27. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым, 1870—1894. — СПб., 1914.
28. Стасов В. В. Письма к родным (1895—1899). — М., 1962. — Т. 3. — Ч. 1. — С. 163.
29. Там же.
30. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Сер. 3. — Т. 88/89. — С. XXI.
31. Там же. — Т. 63. — С. 333.
32. Толстой Л. Н. и Стасов В. В.: Переписка, 1878—1906. — Л., 1929. — С. 120. Речь идет о статье “Неделание”, напечатанной в “Северном вестнике”, и гектографированном издании “Царство божие внутри вас”.
33. Арх. РНБ. Ф. 1, оп. 1. 1890, ед. хр. 24, л. 2; 1897, ед. хр. 25, л. 24, 26, 55, 56.
34. Цит. по: Ковалев И. Ф. Толстой под цензурным запретом // Яснополянский сб., 1978. — Тула, 1978. — С. 290.
35. Арх. РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1902, ед. хр. 22, л. 32.
36. Там же. — Л. 17.
37. Там же. — Л. 38.
38. Там же. — Л. 45.
39. Там же. — Л. 70.
40. Там же. — Л. 83.
41. Там же. — 1903, ед. хр. 22, л. 20.

42. Там же. — Л. 213.
 43. Там же. — Л. 2.
 44. Там же. — Л. 218.
 45. Там же. — Л. 144, 148.
 46. Там же. — Л. 154.
 47. Там же. — Л. 116.
 48. Там же. — Л. 275.
 49. Там же. — Л. 115.
 50. Там же. — 1909, ед. хр. 8, л. 3, 4, 5, 10, 11.
 51. Там же. — Л. 5, 6, 7.
 52. Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Книги и периодические издания. 2-е изд., доп. и перераб. — М., 1982. — Ч. 2. — С. 115—156.
 53. РО ИРЛИ [Пушкинский дом] РАН. Ф. 294, оп. 1, ед. хр. 13, л. 858.
 54. Толстой Л. Н. и Стасов В. В.: Переписка, 1878—1906. — Л., 1929.
 55. Там же. — С. 54—55.
 56. Арх. РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1903, ед. хр. 4а, л. 19.
 57. Стасов В. В. Письма к деятелям русской культуры. — М., 1967. — Т. 2. — С. 40—41.
 58. Переписка Ленина и редакции газеты "Искра" с социал-демократическими организациями в России, 1900—1903. — М., 1969. — Т. 2. — С. 48.
 59. Толстой Л. Н. и Стасов В. В.: Переписка, 1878—1906. — Л., 1929. — С. 233.
 60. Там же. — С. 336.
 61. Там же. — С. 229.
 62. Там же. — С. 331.

